

УС(421)
P21

Х. Х. РАМАЗАНОВ
Мл. научный сотрудник

**КОЛОНИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА
В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX В.**

МАХАЧКАЛА
Ученая Библиотека

МАХАЧКАЛА

1956

9(СА)
P21

Х. Х. РАМАЗАНОВ
мл. научный сотрудник

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

**КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ЦАРИЗМА В ДАГЕСТАНЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

*Вырван
лист
стр. 11-12
23-24.*

МАХАЧКАЛА
1956

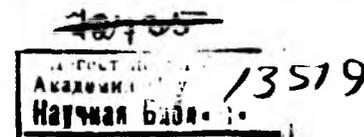
В истории Дагестана XIX века очень трудно найти промежуток времени в 5—10 лет, в течение которого не происходили бы выступления горцев против феодального и колониального угнетения и грабежа. Если говорить образно, Дагестан в XIX веке напоминает бушующее море народных движений.

Одной из главных причин, толкавших горцев Дагестана на борьбу, была жестокая колониальная политика русского самодержавия.

Колониальная политика тяжелым бременем ложилась на плечи поработанных народов и этнических групп края, усугубляя и без того тяжелую их жизнь.

Для того, чтобы правильно разобраться в социальной природе народных движений, нередко очень сложных, окрашенных в различные социальные цвета, следует остановиться на сущности политики самодержавия и показать методы и формы ее проявления в конкретных условиях социально-экономической действительности Дагестана.

Между тем, история колониальной политики царизма в Дагестане не нашла должного освещения в работах советских историков. Мало того, отдельные историки, преимущественно писавшие после 1950 года, волей или неволей, но встали на путь идеализации политики царизма в Дагестане. Многие советские историки, писавшие о движении горцев под руководством Шамиля, совершенно необоснованно игнорировали колониальную политику

царизма на Кавказе, в том числе и в Дагестане, как одну из основных причин, приведших к этому движению.

Глубокое и правдивое изучение истории колониальной политики царизма в Дагестане несомненно поможет разобрататься в массовых выступлениях, являвшихся реакцией на гнет феодалов и царизма.

Мы, не претендуя на исчерпывающее изложение всего комплекса вопросов, ставим перед собой цель показать наиболее характерные проявления политики царского правительства в Дагестане в рассматриваемый период.

История Дагестана богата фактами самоотверженной борьбы его народов против многочисленных иноземных захватчиков, ставивших цель захватить эту в стратегическом отношении очень ценную область и обратить горцев в объект беспощадного грабежа. В неравной борьбе, длившейся веками, горцы многократно показывали свое мужество и свободолюбие. Захватнические устремления незваных гостей не раз разбивались о героизм горцев Дагестана.

В конце XVIII и начале XIX вв. жадные взоры восточных деспотий и самодержавно-крепостнической России были устремлены на Кавказ с целью его захвата.

Царское правительство, проводя политику военно-феодалной экспансии на Кавказе, с одной стороны, хотело захватить этот богатый край, с другой — старалось завоевать плацдарм для ослабления Ирана и Турции, за спиной которых стояли капиталистические страны Запада, в частности, Англия. Завоевание Кавказа направлено было еще на освоение Каспийского моря и проникновение в Среднюю Азию. В планах царизма в области внешнеполитических устремлений Дагестан, представляющий собой исключительную стратегическую ценность, занимал особое место. Дагестан становился ареной борьбы царской России, Турции и Ирана.

Одним из звеньев борьбы этих государств за окончательное овладение Кавказом была русско-персидская война 1804—1813 гг., закончившаяся поражением Персии.

Гюлистанский трактат 1813 года юридически оформил вхождение Дагестана, как и ряда других кавказских территорий, в состав русского государства.

Было бы глубоко ошибочным утверждать, что акт 1813 года является волеизлиянием народов Дагестана. Напротив, акт 1813 года был сговором двух захватчиков за спиной горцев. Гюлистанский договор 1813 года был договором о территории без хозяина этой территории.

Однако, несмотря на все это, присоединение Дагестана к России в конкретно-исторических условиях, сложившихся в конце XVIII и начале XIX вв., имело объективно-исторически прогрессивное значение для дальнейшего экономического, политического и культурного развития края. «Россия,— писал Ф. Энгельс,— действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей»¹.

Присоединение Дагестана к России привело к постепенному прекращению разорительных междуусобиц феодалов, ломке патриархально-родовых пережитков в экономике и быту горцев, к ограничению, а затем ликвидации института рабства. Кроме того, в крае были проведены административно-социальные реформы, сыгравшие положительную роль в деле втягивания горцев, стоявших в стороне от истории, в водоворот современной им общественно-экономической жизни.

Говоря о прогрессивном значении вхождения Дагестана в русское государство, следует иметь в виду, что Россия в рассматриваемое время стояла несравненно выше по уровню общественно-исторического развития, чем отста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

лые, одряхлевшие, раздираемые глубокими внутренними противоречиями, восточные деспотии в лице шахской Персии и султанской Турции.

При оценке присоединения Дагестана к России нужно исходить из правдивого освещения исторических фактов. Некоторые советские историки, отмечая прогрессивное значение присоединения Дагестана к России, утверждали, что присоединение к России предотвратило «неминуемое вырождение» и «физическое истребление» горцев Дагестана со стороны Персии и Турции.

Беспочвенность подобных малоубедительных утверждений очевидна. В действительности горцы Дагестана неоднократно громили наголову тех, кто ставил цель их уничтожить. В качестве примера можно привести разгром горцами в XVIII веке войск Надыр шаха.

Этим самым горцы внесли солидный вклад в ослабление иранского государства, под гнетом которого томилась многие народы, племена, и сыграли, с одной стороны, объективно освободительную миссию по отношению народов, веками находившихся под ярмом иранских шахов, с другой стороны, спасли народы Северного Кавказа от неминуемого порабощения.

Отмечая прогрессивное значение присоединения Дагестана к России, ни в коем случае нельзя упускать из вида колониальную политику царизма. Царское правительство стало подвергать народы присоединенных окраин, в том числе и горцев Дагестана, жестокому гнету, еще большему, чем терпел русский народ.

К существовавшему гнету «местной знати» прибавился гнет колониальный, принесенный на штыках солдат армии феодально-крепостнической монархии. Заметим кстати, что дагестанцы за редким исключением ранее не несли повинностей и не платили налогов в пользу какого бы то ни было государства.

Присоединение Дагестана начинается в первой четверти XIX века. Царизм, являясь диктатурой крепостников-

помещиков, старался создать себе социальную опору, опираясь на которую можно было присоединить Дагестан, держать местные народы в повиновении и грабить их. Надежными партнерами царизма для выполнения стоящих перед ним задач могла быть и действительно стала «местная знать» в лице ханов, беков и т. д. Царское правительство заключает с местными феодалами своего рода союз, преследующий цель ограждения обоюдных интересов: царизм всеми возможными мерами поддерживал и укреплял власть ханов на подвластных территориях, а ханы содействовали царизму в захвате Дагестана и покорении его народов.

В присоединенных ханствах царское правительство оставляло существовавшую ханскую систему управления. Власть ханов и беков, благодаря политике самодержавия, значительно усиливается.

Царское правительство лишало власти тех ханов, беков, которые оказывали военное сопротивление, что было связано с ориентацией последних на Персию и Турцию. Таковых было сравнительно немного. Что же касается большинства феодалов, показавших политическую благонадежность и искренность «верноподданных чувств», то они не только остались у власти, но и к их владениям присоединялись новые территории.

Династия Романовых на всех этапах своего господства в Дагестане следовала политике поддержки социальных верхов.

Царское правительство различными путями привязывало местных ханов и беков к колеснице аппарата колониального угнетения. Им определяли большие пожизненные «пенсии» и ежегодные «жалования», присваивали офицерские и генеральские чины, награждали орденами, давали ценные подарки, обещали сохранять и укреплять их власть над подвластными жителями и т. д.

В начале XIX века Султан-Ахмед-Хану Аварскому в знак «усердия и верности к императорскому престолу»

был присвоен чин генерала-майора русской армии и определено 5 тыс. рублей в год жалования, а даргинскому кадию Зугуму — 500 руб. в год¹.

1829 г. царь установил аварским владетелям Сурхаю и Абу Султан-Нусал-Хану жалования по 2 тыс. руб. в год, присвоил им чин полковника, утвердил последнего в ханском достоинстве с выдачей знамени с императорским гербом².

Ценные подарки и деньги давались членам семей и родственникам владетелей. Аварские ханши Гихили и Паху, владетель Абу-Султан-Нусал-хан и его брат Умахан в 1828—1830 годах, менее чем за два года получили от царского правительства четыре бриллиантовых перстня в 13 тыс. рублей, «сукна 18, парчи 50, бархата 30, шелковой материи 40 аршин», золотых часов в 400 руб.— 1, калейдоскоп в 50 руб.— 1 и 400 червонцев деньгами³.

Широко практиковалось пожалование деревень, отобранных у одних феодалов и переданных в управление другим, с правом взимания податей и повинностей с крестьян. Еще в 1806 году к владениям шамхала Тарковского была присоединена часть ликвидированного Дербентского ханства (Улусский магал) в вознаграждение «услуг и верности, оказанных престолу». В 1820 г. ген. Ермолов отдал селения Параул Шора, Дургели, Урума, принадлежавшие ранее изменившему аварскому хану, шамхалу Тарковскому «за верность и усердие»⁴.

В 1826 г. Хан-Магомед-бек «за усердную приятность престолу оказанную» получил в управление селения Великент, Салик, Мамед-кала и Падар⁵.

Генерал Ермолов отдал в управление бекам Гамзату

и Джамалу 7 терекемейских деревень «за уважение услуг правительству оказанных»¹.

Феодалы, получив непосредственно от казны в управление селения с правом взимания налогов в свою пользу, ревностно старались оправдать оказанное «доверие» за счет крестьянских масс.

Система раздачи селений, практиковавшаяся вплоть до 60-х годов XIX века, безусловно вела к усилению и укреплению феодально-крепостнических отношений в феодальных владениях.

Русские правительственные власти категорически требовали от жителей беспрекословного повиновения феодалам. «Народ должен управляться беками и ханами, как и до сих пор» — писал в 1821 году Ермолов в обращении к каракайтагскому народу². Эти власти, требуя от жителей подчинения владетелям, вместе с тем в письмах заверяли последних в том, что они получают поддержку от правительства. В одном из своих писем Ермолов заверял Мехти-Шамхала: «за себя и детей своих можешь быть спокойным. Теперь власть Шамхала будет более уважаемой и соседи (непокорные горцы — Х. Р.) уразумеют, что значит могущественное покровительство великого государя»³.

Об усилении власти дагестанских ханов и беков под покровительством самодержавия свидетельствует вынужденное признание царского генерала Кюки-фон-Клюгенау, который указывал, что шамхал, «поддерживаемый русскими не боится никакой вражды народной, продолжает рубить и притеснять своих подвластных, не отдавая никому в том ответа»⁴.

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 17, л. 13; д. 848, л. 3.

² Там же.

³ АКАК, т. VIII, стр. 521, 525, 532.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 3, д. 488, л. I.

⁵ Там же, оп. I, д. 5343, л. 3.

¹ Сборник. Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане. Ч. I, М.-Л, 1936, стр. 106.

² АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 64.

³ АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 98.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 344, л. 11.

И действительно шамхал Тарковский в пьяном виде выносил своим подвластным «жестокие приговоры, как обрезание рук, выкалывание глаз и пр.»¹.

В официальном документе говорится, что дагестанские ханы и владетели «под защитою русского правительства, в случае неисполнения подданными личных и корыстолюбивых их требований, угрожали им могуществом русского оружия, и что, без судей и следствий, по одной лишь прихоти хана, десятки людей были ссылаемы в Россию»².

В Казикумухе «по капризу хана подвластные его подвергались страшным пыткам: пытали раскаленным железом, разводили на груди огонь, выжигали разные места на теле, а иногда на бритой голове провинившегося делали чашу из теста и лили туда кипящее масло»³.

Царское правительство не только способствовало усилению власти ханов и беков в существовавших владениях, но искусственно насаждало ханскую власть там, где ее не было. Примером может служить создание в 1812 г. Кюринского ханства и восстановление в 1859 г. ликвидированного Шамилем Аварского ханства. При этом ханами назначались те феодалы, которые отличились своей преданностью царизму при присоединении края. Они облагали жителей разнообразными повинностями и раздавали селения своим родственникам с правом взимания налогов.

«Благодаря неограниченному праву ханов раздавать деревни, а также благодаря содействию русских властей усиливается сословие беков»⁴, — писал царский чиновник Козубский.

Для самодержавно-крепостнического государства России укрепление и усиление феодально-зависимых отноше-

ний в Дагестане было необходимой предпосылкой усиления колониального угнетения. Местные феодалы с помощью административно-военных властей царизма усиливают угнетение крестьянских масс. Увеличивается размер существовавших и вводятся новые, до этого крестьянам неизвестные, подати и повинности. В одном официальном документе говорится, что «с прибытием русских в Дагестан права Шамхала значительно усилились; народ стал беспрекословно исполнять все требования Шамхала, зная, что русские легко могут наказать всякого ослушника воли вали дагестанского»¹.

До прихода царских войск дагестанские феодалы не всегда могли произвольно увеличивать подати и налоги, так как им приходилось считаться с правами сельских обществ — с обычным правом и шариатом. Феодалы встречали со стороны сельских обществ, в особенности сильных обществ, противодействие, и не все феодалы располагали большой силой для принуждения крестьян к исполнению своих требований.

После присоединения Дагестана к России феодалы произвольно увеличивали размер феодальных повинностей, зная при этом, что царские власти всегда поддержат силой оружия их притязания и будут подавлять сопротивление крестьян. Сословно-поземельная комиссия отмечала, что «увеличение размера существовавших повинностей и налогов в феодальных владениях северного Дагестана имело место и после занятия»² царскими войсками этих владений.

Та же комиссия далее указывала: «нельзя утверждать, что при нашем правительстве положение Терекемейских поселян изменилось в их пользу»³.

¹ «Русский архив», 1888 № 7, стр. 332.

² Кавказский сборник. Т. VI, Тифлис, 1882, стр. 33.

³ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, СПб, 1871, стр. 604.

⁴ Дагестанский сборник. Вып. I, отд. I, Т-Хан-Шура, 1902, стр. 45.

¹ См. Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области, Т-Хан-Шура, 1895, стр. 8—9.

² Рук. фонд ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, д. 1289, л. 10.

³ Записка о сословном и поземельном строе в Кайтаге, стр. 68. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, д. 1286.

Ханы и беки были главнейшими собственниками земель и полновластными правителями. Они получали с крестьян многочисленные налоги и феодальные повинности. В 30-х годах XIX века ежегодный доход Шамхала Тарковского составлял более 40 тыс. рублей серебром. Огромные доходы получали феодалы других владений Дагестана.

Царизм всемерно поддерживал стремления дагестанских феодалов к дальнейшему обезземеливанию и закреплению крестьян. В 1847 году наместник царя на Кавказе князь Воронцов писал, что обстоятельства заставляют иметь в Дагестане «твердый и надежный оплот, к чему вернейшим средством могут служить самые владельцы, которые из собственных выгод своих будут охранять тишину и покорность в деревнях своих, держать жителей во всегдашнем повиновении»¹.

Вмешательство официальных властей в земельно-правовые отношения было направлено к усилению позиций дагестанских феодалов. Между тем, отдельные советские исследователи, в частности, П. Брюханов, бездоказательно утверждал, что «до окончательного покорения Дагестана и всего Кавказа русское правительство не касалось земельных отношений в Дагестане, они оставались нетронутыми до самых 60-х годов XIX столетия»².

Нет никакого основания соглашаться с подобного рода утверждениями, ибо вся история господства царизма в Дагестане заполнена многочисленными фактами его вмешательства в земельные отношения.

После присоединения Дагестана к России царское правительство, делая ставку на феодально-крепостниче-

ские элементы, всячески поощряло укрепление позиций местной феодальной знати как на плоскости, так и в горах. В ряде районов Дагестана, и прежде всего на плоскости, которая раньше всего была занята царскими войсками, официальные власти широко практиковали раздачи представителям ханской власти и бекам «грамот», «ордеров», «билетов», «охранных листов», в которых предоставлялось право на захват тех или иных участков общинных крестьянских земель. Наместник царя на Кавказе в. кн. Михаил Николаевич писал: «русские правительственные власти без строгой разборчивости снабжали этих (князей кумыкской плоскости — Х. Р.) охранными листами, указами, билетами и свидетельствами, в которых, по незнанию местности и обычного права, вкрались определения, послужившие впоследствии основанием к долготетним спорам владельцев между собою и постепенному лишению народа права собственности на землю. С того времени владельцы (князья), снискав доверие у русского начальства, обласканные им, отличенные чинами начали развивать значение полученных ими актов для ослабления права народа на землю и расширения личного своего права. Народ терял право на поземельную собственность, удерживая за собою только права перехода от одного владельца к другому, но однако, не иначе как оставляя свою усадебную оседлость... в собственность владельца»¹.

Конечно, здесь дело заключалось не в «незнании местности и обычного права», а в том, что царские власти, все измеряя «крепостным аршином», старались укреплять и усилить существовавшие в Дагестане феодально-крепостнические отношения.

Опираясь на документы, выданные царским правительством, кумыкские князья за сравнительно короткий

¹ ЦГА ДАССР, ф. 159, оп. 1, д. 17, л. 88.

² П. Б. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период завоевания его Россией и походы А. П. Ермолова в горы. стр. 80. Канд. диссертация, М-Кала, 1940.

¹ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией за 1863—1870, СПб, 1870, стр. 24.

период довершили захват всех крестьянских земель. В итоге более 30 тыс. крестьян оказались полностью обезземеленными и вся земля в количестве 400 тыс. дес. сосредоточилась в течение первой половины XIX века в руках 10 княжеских фамилий, составлявших около 166 феодалов.

Факты вмешательства царских властей в земельные отношения в угоду господствующему классу, имели место и в других частях Дагестана.

Царское правительство, поддерживая стремление местных феодалов к обезземеливанию крестьян, вместе с тем обратило часть земель в собственность казны. В результате образуется государственная форма земельной собственности, являющейся прямым продуктом колониаторской политики и следствием вмешательства самодержавия в земельно-правовые отношения в Дагестане.

Источниками образования фонда «казенной» земли были захват крестьянских общинных земель и частично конфискация имений ханов и беков, изменивших царскому правительству. Фонд земли, принадлежавший царской казне, увеличивался по мере присоединения к России отдельных частей Дагестана и не прекращался вплоть до свержения царизма. Этот фонд, все более увеличиваясь, составил к концу XIX века более 163 тыс. десятин¹ (без Кумыкской плоскости). На Кумыкской же плоскости к началу 60-х годов XIX века царская казна сосредоточила у себя более 20 тыс. десятин лучшей земли. Это в очень сильной степени усугубило и без того большую земельную тесноту. Часть казенных земель отводилась для строительства крепостей, гарнизонных помещений, и вообще для нужд обильно дислоцированных в разных частях Дагестана воинских частей. Из казенной земли большие участки выделялись в собственность царским офицерам и «туземной знати». Так, в 1824 г. Ермолов предоставил в собственность Хан-Мамед-беку «два пастбищ-

ные места», расположенные недалеко от сел. Янгикент¹.

Но основная часть казенной земли отдавалась в аренду сельским обществам и отдельным лицам. Отдаваемые в аренду земельные участки составляли казенные оброчные статьи, которые приносили казне весьма большие выгоды. Оброчные статьи составляли зимние и летние пастбища пахотные и сенокосные земли, фруктовые, виноградные сады, рыбные промысла, нефтяные колодцы, соляные озера и т. д. и т. п.

9 зимних кутанов, отдаваемых казной в откуп, приносили ежегодный доход по 1 300 руб.² Три кутана в Каракайтаге с 1822 года приносили казне доход 329 рублей серебром в год³. Четыре пастбищные участка, находившиеся около гор. Дербента, начиная с 1828 года приносили казне в год 423 рубля⁴.

Как отмечалось выше, царское правительство лишало некоторых неугодных представителей местной феодальной знати права владения крестьянскими селениями и имениями. Эти селения и имения частью отдавались процаристским настроенным ханам и бекам, а частью обращались в собственность государственной казны. Они в официальных источниках именовались «казенными» селениями.

Подати и повинности, взимаемые ранее с крестьянских масс в пользу владельцев, стали поступать в царскую казну. Причем, размер податей и повинностей, выполняемых крестьянами «казенных» селений, мало чем отличался от податей и повинностей, исполняемых владельческими крестьянами в пользу ханов и беков.

В 1820 г. Ермолов, лишив власти удмию, требовал от каракайтагцев, чтобы «все доходы, кои принадлежат бывшему удмию, как с родовых его имений, так и деревень по достоинству плативших ему подать, должны от-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 5343, л. 4.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 1994, л. 34--35.

³ АКАК, т. IX, стр. 310.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 2267, л. 27.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 9, л. 390.

ныне поступать в казну»¹. Следовательно, от устранения того или иного владельца от власти крестьянам не становилось легче. Здесь место одного феодала занимал другой феодал в лице царской казны.

Как мы отмечали, царское правительство в первой четверти XIX в. приступило к присоединению Дагестана. Этот период совпадает с временем, когда после разгрома Наполеона царская Россия стала вдохновительницей реакционного священного союза, который ставил перед собой цель душиť всё живое, революционное. В то время царизм яростно выполнял функции «жандарма Европы».

Царская администрация принимала разнообразные формы и методы для порабощения горцев: изъятие лучших земель, массовые убийства жителей в непокорных селениях, разрушение аулов, сожжение посевов, отнятие скота, запрещение торговли, стеснение отправления некоторых религиозных обрядов и т. д., и т. п.

В арсенале многообразных форм порабощения горцев особое место отводилось разжиганию национальной розни между различными народами (это один из краеугольных камней традиционной политики самодержавия «разделяй и властвуй»).

В 1834 г. военный министр писал командующему отдельным кавказским корпусом, что император считал для покорения горцев необходимым, «поддерживая политическое влияние, которое мы имеем над некоторыми горскими племенами, употреблять одно поколение против другого»².

Самым ревностным исполнителем завоевательной политики царизма в Дагестане был Ермолов. Имя Ермолова, по жестокостям и совершенным злодеяниям, смело можно ставить в ряд с именами Аракчеева, Муравьева-Вешателя, и т. д. Ермолов огнем и мечом захватывал аулы ис-

требляя до основания непокорных и расстреливая сотни ни в чем неповинных людей.

В 1818 году Ермолов приказал истребить ряд селений на плоскости, в том числе селение Башлы, жители которого выступили против царских властей и местных феодалов. Ген. Пестель, выполнив приказ Ермолова, доносит ему, что в Башлах дома, запасы хлебов, скрытых в ямах, и сено «предано огню». Ермолов, поощряя действия ген. Пестеля писал: «доволен исполнением данного вам поручения. Доволен истреблением Башлы» и вместе с тем предписывал «на возвратном пути вашем не упускайте из виду наказать прочие близлежащие селения, участвовавшие в возмущении против нас»¹.

Нельзя читать без возмущения допущения Ермолова, который самодовольно заявлял, что в Башлах «не осталось камня на камне и следы его основания совершенно изглажены» и, что «Башлы больше не существуют»².

В 1819 г., по указанию того же Ермолова, были стерты с лица земли две дженгутайские деревни и селение Янги-Юрт³.

В 1823 году были до основания разрушены «мятежные» селения Каранай и Эрпели с тем, чтобы, как говорит Ермолов, «не последовали их примеру другие»⁴.

Царскими войсками в 1831 году был сожжен ряд «возмущенных» селений в Табасаране, в том числе был истреблен аул Чалек⁵.

В том же 1831 году генерал Вельяминов следующим образом описывал учиненное им чудовищно-варварское разрушение аула Чир-Юрт. Он указывал, что, заняв Чир-Юрт, простоял там два дня для того, чтобы «приготовить

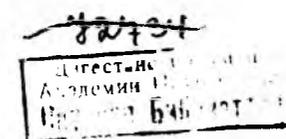
¹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 57, 58, 59.

² Там же, стр. 25, 37.

³ Там же, стр. 25; т. VIII, стр. 62.

⁴ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 17.

⁵ АКАК, т. VIII, стр. 534.

аул к истреблению, ибо дома оно состояли из дикого необделанного камня и имея мало дерева неудобно загораются; оставить же оный в целости значило бы не в полной мере наказать возмутившихся жителей оною»¹.

Отдельным крестьянам селений, подвергшихся поджогам и разрушениям, удавалось бежать в горы, где не было царских войск. Рассказы этих крестьян о пережитых ужасах, естественно оказывали на горцев большое эмоциональное воздействие, и тем самым накаляли обстановку гораздо сильнее, чем это могли сделать отдельные турецкие эмиссары, прорывавшиеся в Дагестан.

Недовольство горцев достигло высшей точки, когда они сами стали очевидцами зверств, творимых царскими войсками непосредственно в горах, в ходе карательных экспедиций. Эти экспедиции предпринимались с тем, чтобы силой оружия принудить горцев к «верности русскому престолу». Они сопровождались большими разрушениями, массовыми убийствами, отбиранием у жителей имущества. Так, у даргинцев, в ходе одной из таких экспедиций, было отобрано, по словам Ермолова, «большое количество скота» и наложена дань в 2 тыс. баранов в год². Злодеяния царских войск дали основание даргинцам назвать Ермолова палачом и пугать детей его именем.

В ходе военных действий в руки царских войск попадали тысячи горцев, именуемые официальными властями «пленными горцами», с которыми обращались чрезвычайно жестоко. В рапорте ген. Вельяминова (1832 год) говорится, что он захватил в плен 52 горца, «не покорившихся добровольно»³. Пленных горцев казнили, ссылали на каторжные работы в Сибирь. Для иллюстрации можно привести хотя бы такой факт, когда 16 жителей шамхальства Тарковского и Табасарана «за измену российскому пра-

вительству во время блокады г. Дербента возмутителем Кази-Муллою» были повешены¹.

Царские военачальники силой заставляли жителей захваченных аулов присягать и давать подписку на «верность престолу», брали десятки аманатов, которые содержались вдали от родных аулов, преимущественно в крепостях.

В 1821 году дидойских аманатов посадили в крепость, «заковав в железо»². Еще раньше в 1818 г., по приказанию Ермолова, из 29 аманатов селения Башлы, находившихся в г. Дербенте, 17 были повешены, а остальные посажены в тюрьму³.

Кроме того аманатов, чтобы «устрашить примером удаления», ссылали в Сибирь, а также использовали на каторжных работах.

Плохое обращение с аманатами и пленными горцами способствовало усилению ненависти к царским колониальным властям и феодалам. Аманат, по представлениям горца, был человеком, вызывающим к себе большое сочувствие. Поэтому плохое с ним обращение возмущало горцев.

Таким образом, военно-колониальные методы завоевания Дагестана приводили к озоблению горцев и росту их недовольства. Приведенные выше факты ярко характеризуют «цивилизаторскую миссию» самодержавия в Дагестане, о которой так усердно трубили представители дворянско-буржуазной историографии. Вместе с тем эти факты объясняют в известной степени, почему горцы столь длительное время вели неравную борьбу с колонизаторами.

Царские офицеры, наряду с методами прямого вооруженного подавления, прибегали и к другим мерам, среди которых видное место занимала изоляция их от внешнего

¹ АКАК, т. VIII, стр. 54.

² АКАК, т. VI, ч. II, стр. 37.

³ АКАК, т. VIII, стр. 723.

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 2540, л. 18.

² ЦГИА Грузин. ССР, ф., оп. I, д. 2540, л. 103.

³ Там же, д. 9173, л. I.

мира. Еще в 1812 г. царское правительство обязало Аслан хана Кюринского «ни под коим видом» не позволять продажу жителям всей самурской долины «всяких жизненных потребностей, так как сие средство есть важнейшее к обузданию сих народов»¹. Горцам запрещалось вести торговые сношения с «замирренными» частями Кавказа, откуда они привозили такие необходимые предметы потребления, как хлеб, соль. Этим путем царские власти надеялись принудить горцев к покорности.

Ген. Вельяминов в 1821 г. категорически требовал, чтобы дидойцев, — когда они «по камерции или другим надобностям будут приезжать в Кахетию, то арестовать и содержать под строгим караулом, равно и приходящие от них караваны конфисковать в пользу казны»².

В следующем 1822 г. Ермолов писал: «желая наказать аварцев и андийцев за неблагонамеренные поступки, предлагаю сделать распоряжение», чтобы они «были под арестом задержаны; товары им принадлежащие конфискованы»³.

В 1828 году граф Паскевич доносил графу Несельроде: «аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни, и будучи окружены подобно им бедными соседями, не могут доставлять необходимых для себя вещей иначе, как в областях наших и между народами, нам подвластными, обменивая оные на некоторые собственные произведения. Без торговли в наших владениях аварцы существовать не могут. Итак, учиненное уже распоряжение, чтобы в наши области не был никто впускаем из аварцев, иначе как по билетам Сурхай-хана, нельзя не признать самую приличною, дабы усилить свое влияние. Правительству нашему остается только твердо придерживаться сего правила и оно, вероятно, достигнет цели»⁴.

¹ АКАК, т. V, стр. 159.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 66, л. 55.

³ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 29.

⁴ АКАК, т. VII, стр. 503.

Может быть вышеприведенные высказывания официальных лиц не имели реального содержания и имели лишь цель запугать горцев? Ничего подобного. На практике царские власти с поразительным упорством претворяли в жизнь приказы о запрещении горцам вести торговлю. Обратимся к документам, исходящим от царских должностных лиц, которых нет основания заподозрить в защите интересов горцев.

В 1819 г. у андийцев было отобрано лошадей 21, буюрок — 493 штук, которые были проданы за 983 руб. и деньги обращены в казну¹.

В 1821 году 10 дидойцев, приехавших по торговым делам в Грузию, были арестованы и отправлены в Телавскую крепость².

В отдельных феодальных владениях местные власти запрещали жителям торговать за пределами владения без наличия специальных билетов за подписью хана. Эта же мера употреблялась для подрыва власти неугодных ханов и усиления влияния тех ханов, которые ревностно проводили процаристскую политику. Так было, в частности, в Аварском ханстве, где для подрыва власти неугодного Султан-Ахмед-хана и возвышения аварского Сурхая в 1821 г. генерал Вельяминов требовал, чтобы без билетов за печатью последнего «отнюдь не давали бы им (аварцам — Х. Р.) случая проезжать в какой-нибудь российский город»³. Мало того, предпринимались попытки подчинить Сурхаю Аварскому и соседних акушинцев. Ген. Вельяминов категорически требовал «сделать предписание о непропуске ни аварцев, ни акушинцев без печати Сурхая Аварского и о заарестовании оных»⁴. И действительно в 1821 году в Шемахе были арестованы 7 акушин-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 746, л. 32.

² Там же, л. 30.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 30.

⁴ Там же.

цев, у которых отобрали в пользу казны 6 выюков лезгинского сукна¹.

Одной из форм принуждения горцев к покорности царизму являлось лишение их базы для содержания своего скота в зимнее время. Известно, что зимние пастбища, находящиеся на плоскости, принадлежали, как правило, шамхалу, ханам, бекам, которые предоставляли их горцам в пользование за плату. Правительственные власти требовали от ханов и беков лишения возможности пастбы скота на зимних пастбищах жителей тех селений, которые отказывались подчиняться царизму, на что ханы и беки шли охотно.

Еще в трактате, заключенном между царским правительством и Кюринским ханом Асланом в 1812 году, специально подчеркивалось положение о том, что рутульцы, ахтынцы, алтыпаринцы, ахтыпаринцы и другие общества, соседние с ханством, должны «всемерно преклонять к покорности Российской империи и спокойной жизни, а в случае их неприязненного поведения или связей с неприятелем России запрещать... впуск их скота для пастбы на плоскость, Кюринскому владению принадлежащую...»²

Царские офицеры и местные ханы устраивали подлинную охоту за стадами мелкого и крупного скота местных жителей; так, войсковой знаменосец Фролов вместе с казаками в 1812 году реквизировал у одного из аулов кумыкской плоскости более 2 тыс. баранов, которые разделили между царскими офицерами и чиновниками³.

В 1830 г. царскими войсками было конфисковано у койсубулинцев стадо овец и захвачены в плен пастухи⁴.

В 1833 году Ахмед-хан Мехтулинский угнал у крестьян аула Кодух 500 баранов и у жителей Гергебиля

800 баранов за то, что они присоединились к Гамзатбеку¹.

Царское правительство вынашивало планы овладения всеми соляными озерами плоскостного Дагестана с тем, чтобы использовать это для воздействия на горцев. Военный министр Барклай-де Толли считал, что захват соляных озер в Шамхальском владении и запрещение горцам «покупать соль» позволит «содержать их во всегдашней зависимости» и явится «ближайшим средством укротить сих беспокойных»².

Все изложенное неопровержимо свидетельствует о том, что горцы Дагестана были поставлены в исключительно тяжелое положение.

Известно, что горцы могли обеспечить себя хлебом лишь на 3—4 месяца. Остальной хлеб приходилось привозить с плоскости Дагестана, из Азербайджана, Грузии и с Северного Кавказа.¹

Скотоводство в горах издревле являлось одним из основных занятий жителей.

Известно также, что в экономике горцев, наряду с земледелием и скотоводством, важное место занимали кустарные промыслы и отходничество. В Дагестане издавна существовала специализация селений и даже отдельных районов по отдельным видам кустарного производства. Кустарные изделия ювелиров из селений Кубачи, Кумух, инкрустация по дереву в Унцукуле, андийские наплечные бурки, лезгинские ковры и сукна славились далеко за пределами Дагестана и служили весьма серьезным подспорьем или даже основным источником существования жителей.

Кроме того, горцы занимались сельскохозяйственным отходом в Грузии, Азербайджане, на Северном Кавказе.

В первой четверти XIX века, как мы уже отмечали, царское правительство запрещало горцам вести торговлю

¹ Там же, л. 4.

² АКАК, т. V, стр. 159.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 372, л. 11—12.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 5, д. 1183, л. 74.

¹ АКАК, т. VIII, стр. 541, 571, 573.

² АКАК, т. V, стр. 37.

с соседними народами. Это запрещение приводило, во-первых, к голодовкам, так как горцы не могли беспрепятственно покупать у соседних народов хлеб, соль и другие продукты, во-вторых, скотоводство испытывало большие трудности из-за запрета пользоваться зимними пастбищами на плоскости и отсутствия соли, в-третьих, кустарная промышленность горцев начинала испытывать серьезные трудности из-за препятствий, учиняемых властями в деле реализации изделий этой промышленности, в-четвертых, горцы не могли свободно заниматься отходничеством в соседних областях и тем самым лишались серьезного источника своего существования.

О пагубном влиянии запрещения торговли на экономику горцев самодовольно указывал генерал Ермолов. Он писал, что горцы «лишенные торга, начинают чувствовать крайность»¹. Следовательно, горцы либо должны были безропотно умирать с голоду, либо выступать с оружием в руках против местных феодалов и российского самодержавия.

Царские власти в ходе движения горцев, возглавляемого Шамилем, с большим упорством и настойчивостью продолжали претворять в жизнь политику «пресечения источников, из коих они (горцы — Х. Р.) получают необходимые жизненные припасы» с тем, чтобы «склонить непокорных горцев и покорности»².

Подобная политика способствовала притоку к восставшим горцам новых сил.

В 1832 г. у жителей Казикумуха было конфисковано 858 бурок, купленных ими у андийцев³. Тогда же было арестовано 5 жителей из андийского селения Ахкили, приехавших по торговым делам в г. Нуху⁴.

В 1837 г. в г. Нухе было конфисковано у акушинцев 35,5 вьюков бурок, привезенных туда на продажу¹.

Повсеместно были запрещены покупка и вывоз от андийцев бурок, пока они «не примут к себе пристава», не будут исполнять его приказания беспрекословно и не представят аманатов². В 1840 году у 2 евреев и 4 лакцев было отобрано 50 тыс. бурок, купленных ими у андийцев³,

В том же 1840 г. командир хунзахской цитадели арестовал акушинцев и отобрал у них 20 лошадей и 540 бурок, купленных ими в Андии⁴.

Царское правительство в деле запрещения горцам приобретать жизненно необходимые продукты доходило до крайних мер. В этом отношении весьма любопытно отметить, что Николай I требовал от кавказской администрации, чтобы она предоставляла «непокорным» горцам соль только лишь в обмен на русских солдат и офицеров, перебежавших на их сторону⁵.

Царские завоеватели, чувствуя себя полновластными хозяевами, начали обременять горцев непомерно высокими налогами, податями и повинностями, творить бесчинства. Широко развитая система взяточничества и других форм вымогательства в России достигла огромных размеров на окраинах, в том числе и в Дагестане. Царские офицеры и чиновники шли на прямые преступления. Не надо забывать, что известная часть офицеров Кавказской армии состояла из авантюристов, любителей легкой наживы.

Многие командиры воинских частей, коменданты городов и крепостей, интенданты и местная знать обогащались за счет кавказских горцев. О процветании взяточничества и других злоупотреблений на Кавказе свидетель-

¹ АКАК, т. VI, стр. 27.

² РКМ ДАССР, л. 257, гр. «К», л. 46.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 2573, л. 3—11.

⁴ Там же, л. 11.

¹ Там же, л. 54.

² Там же, ф. 1083, оп. 6, д. 345, л. 1—5.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 13.

⁵ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 59, л. 1.

ствует генерал Паулуччи, который писал в 1812 г: «при личном обозрении мною владений здешнего края Бакинского, Кубинского и Дербентского, встретил я многие беспорядки и злоупотребления со стороны образа нашего в оных управления и неудовольствие народа»¹.

Как указывалось, царские власти облагали горцев налогами и повинностями. В начальный период с населения брали все, что было необходимо для войск в форме дани с покоренного народа, причем согласие горцев выплатить дань считалось одним из условий признания царского господства и признаком верноподданства. При взимании налогов и податей господствовал неприкрытый произвол военачальников царской армии, которые определяли размер дани, исходя из нужд военного времени, совершенно не считаясь с экономическими возможностями крестьян. С крестьян брали деньги, скот, хлеб, масло и др. продукты.

Жители Кюринского ханства, помимо налогов и повинностей, выполняемых ими в пользу хана и беков, были обложены, начиная с 1813 года, 3 тыс. червонцев и 24 тыс. пудов зерна. В среднем каждый крестьянский дым этого ханства платил в казну только лишь прямой подати по 6 руб. деньгами и около 5 пудов зерном. Государственные подати и повинности собирались через хана, который назначил для этого специальных сборщиков. В результате злоупотребления умножились. Значительная часть собираемых налогов оседала в кармане сборщиков и хана, которые взыскивали их в несколько раз больше, чем было положено. Кроме того, на жителях лежал целый ряд других изнурительных повинностей. Они обязаны были перемолоть податный хлеб, доставлять этот хлеб по плохим дорогам на своих подводах в казенные магазины, расположенные за десятки километров; обеспечить местные гарнизоны хлебом по цене 2 р. с. за

четверть, что по официальным данным было в три с лишним раза дешевле обычно существовавших цен; заставляли продавать определенное количество хлеба и доставлять его в гарнизонные укрепления по «весьма умеренным ценам».

Помимо всего перечисленного на жителях ханства лежала обязанность обеспечить войска квартирами, снабжать их нужным количеством топлива, содержать почтовые станции по дорогам и т. д.

✓ Если сюда прибавить неприкрытый произвол хана, беков и сборщиков налогов, всякого рода косвенные поборы, штрафы и т. д., то станет ясно, в каком тяжелом положении находились крестьяне.

Даже ген. Ермолов указывал, что подати, ежегодно вносимые крестьянами Кюринского ханства, «по бедности жителей», «не только отяготительна для истощенной земли, но даже при всей благонамеренности вернейшего из владетелей, не может быть собираема, от чего всегдашние происходят недоимки, народ терпит и часто переселяется даже в горы»¹.

И действительно за крестьянами этого ханства с 1813 по 1864 год систематически числились из года в год повторяющиеся и даже увеличивающиеся недоимки, являющиеся свидетельством исключительно низкого уровня жизни местных жителей.

В рапорте Ермолову от 7 марта 1819 года генерал Пестель прямо писал, что Аслан хан Кюринский «злодейским правлением утесняет подвластных, собирая с них тяжелые подати»².

Невыносимо тяжелая жизнь вынуждала крестьян обращаться к местной администрации с жалобами, в которых они настоятельно требовали облегчения их тяжелой участи. В 1821 году крестьяне 17 селений этого ханства подали жалобы, в которых просили сложить с них сле-

¹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 41.

² АКАК, т. VI, ч. II, стр. 8.

¹ АКАК, т. V, стр. 20—21.

дурные в казну подати. По поводу этих жалоб барон Вrede писал генерал-лейтенанту Вельяминову: «Ханство Кюринское и при самых лучших урожаях совершенно не в силах платить податей на него возложенных»¹.

Взимание с крестьян разнообразных и тяжелых податей и налогов в пользу феодалов и царской казны приводило к массовым голодовкам, уносящим тысячи жизней. Так, например, в 1813—1814 годах в результате жестокого голода, болезней и военных действий погибло более трети жителей Кюринского ханства².

После всего сказанного приходится ли удивляться тому, что именно Кюринское ханство, где тяжесть двойного гнета вконец разорила крестьян, стало первоначальным местом возникновения движения горцев. Да и в ходе движения горцев это ханство представляло собой довольно беспокойное для царизма место. Полковник Бучкиев в секретном рапорте от 1842 года доносил, что «Кюринское ханство без защиты наших войск готово передаться Шамилю»³.

Тяжелыми податями были обложены жители самурской долины и горного Кайтага, за которыми, так же как за крестьянами Кюринского ханства, числились из года в год повторяющиеся недоимки. Так, за рутульскими, сюргинскими обществами и кубачинцами к 1831 году числилось недоимок более 6596 руб.⁴ Крестьяне, «не имея возможности перенести тягость дани»⁵, становились на путь категорического отказа выполнять эти повинности.

Так, жители 17 рутульских селений, сюргинцы и кубачинцы в 1828 г. отказались выполнять государственные повинности, причем сюргинское общество, как сообщает в своем рапорте генерал Граббе, «решительно отказалось

как от платежа подати, так и от повиновения правительству нашему»¹.

Кавказская администрация царизма обращалась к испытанному методу — реквизиции скота у горцев Кюринского ханства, Рутульского, Сюргинского и Ахтынского обществ не только в ходе покорения Дагестана, но и при отказе крестьян вносить налоги.

Генерал Сипягин предписывал: если рутульцы и сюргинцы впредь будут «упорствовать в платеже следуемой с них дани, то заарестовать их стада, которые они в зимнее время пасут на низменных местах... и тем принудить их к взносу казенных податей, или же пополнить таковые продажей самого скота».

Другой царский генерал Краббе указывал, что в случае отказа крестьян нести государственные повинности «единственным средством может быть арест при помощи войск стад, принадлежащих сим обществам, сгоняемых на изменность» и «принуждение их тем самым к выплате следуемых в казну денег»².

Шесть аулов, лежащие между Кубачами и Кумухом (Сана-Кара, Дарья, Уцари, Шарьи, Чагри, Абдашка), начиная с 1824 года в общей сложности должны были нести в казну «в знак покорности»: 130 батманов пшеницы, 50 баранов, 75 батманов масла, 12 концов веревок³. И за этими селениями к началу 30-х годов XIX в. также образовались большие недоимки.

Терекмейские деревни Салик, Великент, Кхали, Падар, Карадаглы и Татляр несли в казну: с каждой пары рабочего скота по 14 саб⁴ пшеницы и по 3 сабы ячменя, каждое селение обязано было обработать 3 участка на 20 саб каждый и засеять их пшеницей; давали за собираемую марену с пуда по 10 к. серебром. Кроме того кре-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 901, л. 36.

² АКАК, т. VI, ч. I, л. 21.

³ РКМ ДАССР, т. № 255, гр. «К», л. 173.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 1997, л. 55.

⁵ Там же, л. 37.

¹ АКАК, т. VII, стр. 512; т. VI, ч. II, стр. 7.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 1997, л. 17.

³ Там же, л. 56; АКАК т. VI, ч. II, стр. 68—69.

⁴ Одна саба в данной местности = 1 п. 4 ф.

стьяне несли особый сбор за право пастьбы скота на пастбищах¹. Начиная с 1822 года, ежегодный сбор только лишь одного зерна с этих 6 деревень составил 343 четверти или 2744 пуда².

За один только 1831 год крестьяне аулов Джемикент и Утемыш внесли в казну более 7200 пудов муки и около 1000 баранов³ т. е. в среднем с дыма по 3 барана и около 2 пудов муки.

Крестьяне Дагестана отбывали в пользу царской казны разнообразные трудовые повинности: предоставление подвод для обслуживания войск, тяжело отражавшееся на крестьянском хозяйстве в условиях почти полного бездорожья, выполнение строительных работ по сооружению крепостей, временных укреплений, кордонных линий и стратегических дорог, заготовка и доставка строительных материалов для сооружения военных объектов, предоставление квартир для гарнизонов крепостей и перемещавшихся воинских частей, обеспечение войск дровами, а лошадей сеном, содержание чопарских станций, выделение конных и пеших людей для обслуживания казенных нужд и многие другие, бесплатно исполняемые повинности. Определение размера перечисленных повинностей всецело было предоставлено царской администрации, у которой отсутствовало гуманное отношение к горцам. Даже генерал Ермолов еще в 1824 году писал, что он заметил «сколько отяготительны для жителей (Терекемейских деревень — Х. Р.) переходы войск и сколько при таковых случаях неумерены требования подвод»⁴.

Помимо прямых налогов, податей и повинностей существовали другие многообразные формы выкачивания царскими правительством доходов из Дагестана.

Как указывалось, царская казна получала большие доходы с захваченных земель, отдаваемых в аренду. Немаловажными статьями доходов царской казны были таможенные пошлины с товаров, перевозимых из одной части края в другую, отдача разработок полезных ископаемых на откуп, штрафы, базарные, почтовые, вексельные, гербовые сборы, сборы с окрашивания разных изделий, продажи марены, табака и многие другие прямые и косвенные поборы, достигавшие больших размеров вследствие предоставления права на установление их размеров царским офицерам и чиновникам. 20 нефтяных колодцев в Кайтаге, отданные на откуп в 1828—1834 годах, приносили казне доход в сумме 606 рублей серебром в год¹.

О размерах сборов в пользу царской казны свидетельствует хотя бы то, что пошлина собираемая в воротах у дербентской крепостной стены за провоз товаров в 1830 году, по далеко неточным официальным данным, составил более 3 278 руб.²

Только лишь с жителей одной Дербентской провинции в 1824 году поступило всех доходов в сумме 1 000 червонцев, 14 332 р. серебром, 1 190 р. медью и 4 030 р. ассигнациями³.

Систематический захват крестьянских земель феодалами и царским правительством, все более увеличивающиеся налоги и повинности в казну и бекам, ханам, эксплуатация мусульманским духовенством и сельскими должностными лицами, различные притеснения и произвол колониальных властей — все это вело к обнищанию и разорению трудящихся крестьян. Исключительно тяжелое экономическое и правовое положение толкало крестьян на борьбу за свое освобождение, проявлявшееся

¹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 67.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 910, л. 7

³ АКАК, т. VIII, стр. 538.

⁴ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 68.

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 1994 л. 34—35.

² Там же.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 1380, л. 8—9.

в различных формах. Антифеодальная борьба крестьян против феодалов имеет свою давнюю историю. Накануне возникновения движения горцев под водительством Шамиля шла борьба крестьян против своих эксплуататоров. В ряде документов официального порядка, несмотря на старательное затушевывание событий, связанных с борьбой крестьян против феодалов и царизма, все же имеются указания на отдельные проявления этой борьбы.

В 1817 году крестьяне, говоря словами официального документа, «отказались от должного послушания и возмутились против» беков Мустафы-Кадия и Кирхляр-Кули Табасаранского, ограбили их дома и имения, убили одного бека¹.

В 1819 г. подвластные жители восстали против шамхала². Спустя несколько лет, т. е. в 1827 г. крестьяне ряда селений шамхальского владения «вновь обнаружили неповиновение и непокорность», и отказались выполнять указания шамхала «решаясь поднять возмущение и мятеж». Шамхал для наказания мятежников просил прислать русские войска в количестве 6 тыс.³

Вместе с тем крестьяне довольно часто отказывались нести государственные налоги и повинности.

Так, из 11 каракайтагских магалов 9 оказали «неповиновение» и уклонились от повинностей. Причина этого заключалась в «обременении» жителей земскими повинностями⁴.

О напряженном положении и о чрезвычайно натянутых отношениях между феодалами и крестьянами на Кумыкской плоскости наглядно свидетельствует признание сословно-поземельной комиссии, которая писала: «Постоянное своеволие владельцев можно смело сказать привело бы к тому, что народ со своими землевладельцами поступил точно так же, как поступили несколько десят-

ков лет назад за Кубанью тлофитли (свободные хлебопашцы), восстав открыто против них и выгнав из среды своей, если бы в 1819 г. Кумыкская плоскость не была занята русскими войсками по распоряжению генерала Ермолова¹. Занимая Кумыкскую плоскость, Ермолов просил владельцев организовать выставление подвод и заготовить провиант «в виде пособия войскам, идущим собственно для охранения их спокойствия»², т. е. защиты феодалов от ярости крестьянского гнева.

Таким образом, из вышеприведенного явствует, что движение горцев 20—50-х годов XIX века всецело вытекало из той социально-экономической обстановки края, которая сложилась в начале прошлого века. Тяжесть двойного гнета, все более усиливаясь, вызвала противодействие со стороны дагестанских народов, вылившееся в открытую вооруженную борьбу.

В ходе движения горцев под руководством Шамиля царское правительство и местные феодалы продолжали усиливать гнет трудящихся, и вполне естественно, это питало движение. Фактический материал позволяет со всей очевидностью утверждать, что все народы Дагестана и многие народы за его пределами открыто или тайно, прямо или косвенно, так или иначе участвовали в антиколониальной и антифеодальной борьбе первой половины XIX века. Всемирная поддержка, проявлявшаяся в разнообразных формах, начиная от прямого участия и кончая активным сочувствием и объясняет факт продолжения борьбы горцев более четверти века. Широкое участие народных масс в движении горцев 20—50-х годов XIX века есть неопровержимый исторический достоверный факт, с которым не имеют права не считаться исследователи, объективно рассматривающие явления прошлого.

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 648, л. 37—38.

² АКАК, т. VI, ч. II, стр. 7.

³ Там же, т. VII, стр. 532.

⁴ АКАК, т. IX, стр. 311.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. I, д. 12, л. 15.

² АКАК, т. VI, ч. I, стр. 490.

Между тем некоторые советские историки, вопреки истине, совершенно необоснованно встали на путь отрицания вполне очевидного факта — участия народных масс в движении Шамиля, забывая или игнорируя с позиции конъюнктурщиков положение о том, что ни одно движение не может существовать долго без поддержки широких народных масс.

О том, что феодальное угнетение и колониальный гнет питали движение, возглавляемое Шамилем, свидетельствуют следующие данные. В 1832 году крестьяне салатавских селений участвовали в борьбе на стороне Кази-Муллы и освободились от гнета князей, но были силой покорены и обложены налогами по 1 руб. серебром с дыма в год. Кроме того за участие в движении каждый двор был обложен специальным штрафом в размере 5 руб. С этих селений было насильственно собрано в 1832 г. более 2 632 руб.¹

Царские власти стали вынашивать планы восстановления феодальной зависимости салатавских крестьян от кумыкских князей. Эти обстоятельства способствовали тому, что салатавские крестьяне неоднократно переходили на сторону Шамиля. В частности, из рапорта генерала Фези от 5.VII.1840 года видно, что когда Шамиль с значительным числом горцев прибыл в Салатавское владение, то все салатавские и некоторые кумыкские аулы «предались на их сторону»².

В ходе движения Шамиля «замиренные» жители несли чрезвычайно тяжелые повинности. Так, койсубулинцы и аварцы были обязаны доставлять за 30—40 км на ослах дрова в укрепления, расположенные в Аварии, получая 20 к. за выюк, а при отсутствии ослов дрова таскали женщины на своих плечах, получая в виде «сострада-

ния по 20 коп. каждая»¹. Поэтому жители этих селений при первой возможности открыто переходили на сторону восставших горцев.

Ген. Ключеная, донося о положении подвластных сельских обществ, указывал, что койсубулинцы «постоянно показывают дух непокорности», а вся Авария не только «готова поднять оружие при первой возможности», но «в продолжении года (1840г.) постоянно один аул за другим изменяет правительству»².

Возьмем другие факты, характеризующие преемственную связь между феодальным, колониальным угнетением и участием крестьян в движении, возглавляемом Шамилем.

В 1831 году каракайтагцы во время выступления Кази-Муллы, говоря словами официального документа, «приняли в нем участие», а впоследствии с их стороны «беспорядки усилились»³. Причина выступления крестьян на стороне восставших горцев заключалась в том, что они были «слишком обременены» повинностями⁴. Анализируя причины восстания крестьян Кайтага, офицер Оленич указывал также, что «невнимание к нуждам и просьбам жителей и даже неуместные требования в отбытии разных повинностей много способствовало недоверию и удалению их», т. е. присоединению крестьян к Шамилю.

Стало быть усиление гнета местных феодалов и колониальных властей способствовало двукратному переходу кайтагских крестьян на сторону восставших горцев.

В исключительно тяжелом положении находились жители шамхальского владения, обремененные чрезвычайно тяжелыми налогами и повинностями. Причем эти налоги

¹ АКАК, т. VIII, стр. 672.

² РКМ ДАССР, папка № 255, гр. «К», л. 95.

¹ Кавказский сборник. Т 6, Тифлис, 1882, стр. 40.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 458, л. 33.

³ АКАК, т. IX, стр. 310.

⁴ Там же.

и повинности из года в год увеличивались. Так, крестьяне Шамхальского владения бесплатно выставили в 1840 году для перевозки вооружения и провианта войскам 21 581 подвод, а в 1841 году 40 503 подводы, т. е. увеличилось менее чем за год почти в два раза¹. В этом владении было всего 2 455 дворов, могущих нести подводную повинность. Следовательно, для выставления 40 тыс. подвод каждый из этих крестьянских дымов должен был выйти с подводой около 20 раз. Если учесть, что крестьянин с подводой должен был перевезти грузы на расстояние примерно 60—150 км, то он вместе с рабочим скотом отрывался от своего хозяйства в среднем более 3-х месяцев. К тому же крестьян заставляли отбывать повинности в разгар сельскохозяйственных работ.

Кроме бесплатно выставляемых подвод, крестьяне были обязаны доставлять воинское снаряжение своими подводами за «умеренную цену». Для характеристики так называемой умеренной цены достаточно указать, что, даже по официальным данным, крестьянин, перевозящий на своей подводке военный груз от Темир-Хан-Шуры до Хунзаха должен был от казны получать в 8 раз меньше по сравнению с обычными ценами. Но и эту мизерную плату крестьяне не получали, потому что феодалы присваивали ее себе.

Даже ген. Клюгенау вынужден был писать, что ему известно два случая, когда шамхал «по обыкновению не дал ни гроша подвластным» следуемых им от казны денег за перевозку военных грузов².

Кроме того шамхал и его пристав требовали от крестьян исполнения податей и повинностей в свою пользу «от имени русского правительства»³.

¹ ЦГИА Ленинграда, ф. Кавказского Комитета (1268), оп. I, д. 693, лл. 11—14; Кавказский сборник, т. VI. Приложение к статье «1843 год на Кавказе», стр. 32.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 344, л. 10.

³ Там же.

Изнурительная подводная и другие повинности основательно приводили к расстройству крестьянских хозяйств. Как выясняется из рапорта ген. Клюгенау, крестьяне шамхальства лишались рабочего скота «весьма много от тяжелых гористых дорог»¹. По свидетельству офицера П. Коцебу, выставление подвод «было разорительно» для крестьян Шамхальского владения, которые, «были лишены возможности обрабатывать свои поля», в результате чего они испытывали «большой недостаток в хлебе»².

Помимо всего перечисленного крестьяне шамхальства несли ряд других повинностей и налогов, в частности, выставляли вьючных лошадей от плоскости до горных укреплений (243 в 1841 г. и 850 — в 1842 г.), содержали 7 конных чапар и 65 человек на них, для которых ежегодно собирали «известное количество» ячменя, сена, дров и 2 730 р. сер.³

Один из историков Кавказской войны А. Юров писал: «Все эти повинности тяжелым бременем ложились на туземное население, возбуждая в нем сильное против нас негодование, хотя глухое, но ожидавшее лишь удобного случая, чтобы вырваться наружу»⁴.

Недовольство крестьян непомерно высокими требованиями Шамхала, беков и местной администрации вырывалось наружу не только в форме пассивного протеста, но активно в виде вооруженных выступлений. Крестьяне шамхальских деревень Эрпели и Каранай восстали против феодалов, убили бека Уллубия Эрпелинского и перешли на сторону Шамиля⁵.

¹ Там же.

² Там же, л. 6.

³ ЦГИА Ленинграда, ф. Кавказского Комитета (1268), оп. I, д. 693, лл. 11—14.

⁴ Кавказский сборник. Т. VI, Тифлис, 1882, стр. 40.

⁵ РКМ ДАССР, папка № 255, гр. «К», л. 135.

В 1843 году, как указывается в официальном документе, жители шамхальства Тарковского и Мехтулинского ханства «... более или менее явно или тайно, почти все приняли участие в возмущении Шамиля»¹. В результате местные ханы и беки в панике бежали под защиту царских войск. Царские власти силой оружия начали восстанавливать власть ханов и беков и наказывать «виновных» жителей².

Для иллюстрации, какими методами царские власти восстанавливали власть феодалов над жителями, приведем следующий факт. Крестьяне села Кака-Шура восстали против бека Али-Султана, который спасся паническим бегством под защиту царских войск. Как указывается в официальном документе, в селение прибыл батальон пехоты с 25 казаками при одном орудии для наказания крестьян и «удержания примером строгости в повиновении законным владельцам других жителей». Войска расположились на квартирах крестьян на их продовольствии, причем было объявлено, что войска останутся здесь до тех пор, пока крестьяне не исполнят «всех требований начальства и владельцев». Одновременно было арестовано 7 человек главных «зачинщиков беспорядков». Когда крестьяне, несмотря на это, продолжали отказываться подчиниться, было арестовано еще 22 человека. Власть бека Али-Султана была восстановлена силой оружия в результате 7-дневного пребывания царских войск в селении³.

Казикумухцы, по свидетельству полковника Бучкиева, в 1842 году, «забыв долг верности и клятвы присяги... предали Шамилю»⁴.

¹ РКМ ДАССР, папка № 257, гр. «К», л. 22.

² Там же, л. 26.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6499, л. 1—3.

⁴ РКМ ДАССР, папка № 255, гр. «К», л. 169.

Подобных примеров, говорящих о пополнении движения горцев новыми силами, можно привести бесчисленное множество.

Таким образом, в перечисленных владениях, так же как и в других частях Дагестана, крестьяне выступали на стороне Шамиля против местных феодалов и царизма. В основе этих выступлений крестьян, как мы видели, лежал рост тяжести двойного гнета.

После приведенных фактов более чем странным кажется утверждение отдельных советских историков о том, что движение 20—50-х годов было инспирировано Англией и Турцией и что Шамиль был их ставленником и агентом. В действительности это движение являлось ответом на все более и более усиливавшийся феодальный и колониальный гнет.

А. Юров в статье «1843 год на Кавказе» писал: «Обращаясь к положению покорных нам жителей Дагестана нельзя не заметить, что оно было крайне тягостно; обремененные нашими требованиями они роптали на нас и охотно передавались неприятелю при первой к тому возможности»¹, т. е. переходили на сторону Шамиля.

Таким образом, из сказанного вытекает, что между феодальным и колониальным угнетением и участием крестьян в движении, возглавляемом Шамилем, прослеживается совершенно очевидная связь.

Подводя итоги, отметим следующее.

1. Движение горцев под руководством Шамиля вытекало из социально-экономической обстановки, создавшейся в Дагестане в первой четверти прошлого века.

2. Главной причиной, приведшей к возникновению движения горцев в 20—50 гг. было жестокое колониальное и феодальное угнетение.

¹ Кавказский сборник, т. 6, Тифлис, 1882, стр. 40.

3-

3. Колониальное и феодальное угнетение способствовало пополнению в дальнейшем движения горцев новыми силами из широких народных масс, чем и можно объяснить продолжение борьбы горцев более 30 лет.

4. Борьба горцев 20—50 годов XIX в. ослабляла позиции царского самодержавия — злейшего врага русского и других народов.

instituteofhistory.ru

Типография им. С. М. Кирова Министерства культуры ДАССР,
г. Махачкала, ул. Маркова, 51, зак. 2158, тир. 300.